

Научная статья

УДК 811.161.1 + 811.521

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Семантика и способы выражения множественного числа у существительных в русском и японском языках

Наталия Витальевна Кутафьева

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

natasha7362@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3656-8365>

Аннотация

Проводится сравнение способов выражения множественного числа, категорий, связанных с этими способами, а также семантики множественности в русском и японском языках, генетически и типологически не родственных. Материалом для исследования послужили примеры из русских и японских грамматик, интернет-сайтов и сбалансированного корпуса японского языка. К анализу полученных данных были применены сопоставительный и описательный методы, для выявления значений множественности – метод компонентного анализа. В результате были определены специфические способы выражения множественного числа в каждом языке, а также общие и специфические категории и семантика множественности в обоих языках. Выражение числа связано с различными категориями и различными способами в русском и японском языках. Общими значениями множественного числа является значение коллективной, репрезентативной множественности и неопределенной дискретной множественности при разных способах выражения данных значений.

Ключевые слова

русский язык, японский язык, множественное число, категория, маркер, двандва, редупликация

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Семантика и способы выражения множественного числа у существительных в русском и японском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9. Филология. С. 67–77. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Semantics and Ways of Expressing the Plural of Nouns in Russian and Japanese Languages

Nataliia V. Kutafeva

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

natasha7362@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3656-8365>

Abstract

Purpose. The study compares the ways to express the plural, as well as categories connected with these ways, and the semantics of plurality in Russian and Japanese languages which are genetically and typologically unrelated. Russian is an inflectional language and Japanese is an agglutinative one.

Results. There is a grammatical category of singular and plural in Russian. This category is missing in Japanese, but there is a lexical-semantic category. The concept of singularity and plurality is not represented in Japanese. Number may be actualized by the speaker if the object (animate or inanimate) enters the speaker's personal zone or a personification takes place. There is only one way to express plurality in Russian – by using flexions of plurality. There are

© Кутафьева Н. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9. Филология. С. 67–77.

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9. Philology, pp. 67–77.

four ways to do that in Japanese which are markers of plurality, classifiers, reduplication and combined dvandva (a word with coordinative connection between components of the whole word) The usage of inflections to express plurality is mandatory in Russian, but the usage of plurality markers in Japanese is probabilistic

Conclusion A common category for Russian and Japanese languages which is important for expressing plurality is the category of animation The similar meanings of plurality both in Russian and in Japanese is collective, representative and indefinite discrete plurality expressed in different ways

Keywords

Russian language, Japanese language, plural number, category, marker, *dvandva*, reduplication

For citation

Kutafeva N. V. Semantics and Ways of Expressing the Plural of Nouns in Russian and Japanese Languages *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9 Philology, pp. 67–77 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Введение

В настоящее время широко распространены сравнительные лингвистические исследования генеалогически не родственных и принадлежащих к разным типам языков. Это связано с изучением языка с учетом культуры и мировосприятия народа. Связь между культурой и лексикой, в частности формообразованием слов, отражает восприятие окружающего мира и его дифференциацию носителями языка.

Русский язык – флективный, японский язык – агглютинативный (следует уточнить – агглютинативный в именах, флективный в предикативах). В русском языке есть грамматическая категория числа, в японском языке она отсутствует. По форме существительного в русском языке (в большинстве случаев) можно указать число, в японском языке это сделать невозможно.

В иероглифическом японском языке существительное не является референциальным, т. е. изначально оно не выражает ни единственное, ни множественное число. Однако существуют различные морфологические и словообразовательные способы выражения множественного числа.

1. История изучения проблемы

В классических грамматиках русского языка дано определение грамматической категории числа имен существительных русского языка, а также рассмотрено грамматическое соотношение форм единственного и множественного числа [Виноградов, 1986]. Способы выражения и значения множественного числа описаны в грамматиках и словарях русского языка [РГ, 1980; ЛЭС, 1990]. Исследованы различные аспекты категории числа, например функциональный и семантический [Брусенская, 1991], рассмотрено функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа [Калинина, 1999].

Категория числа рассматривалась как часть категории количества. Вышли в свет монография В. В. Акуленко [1990], в которой на материале европейских языков анализируется категория количества, монография под редакцией А. В. Бондарко, в которой рассматривается соотношение категорий качественности и количественности [ТФГ, 1996]. В монографии А. А. Холодовича [1979] категория множества анализируется в японском языке в свете общей теории множеств.

Русские и зарубежные исследователи японского языка рассматривали морфологические (аффиксальная деривация) и словообразовательные способы (редупликация и сложные *двандва*) выражения множественного числа. Были исследованы маркеры множественности, факкультативность их использования; сочетаемость с именами и местоимениями; выражаемые ими значения [Maynard, 2009; Алпатов и др., 2008; Martin, 1991], ассоциативная множественность [Corbett, 2000]; различные степени вежливости, выражаемые с помощью маркеров [Asano, 1994, Martin, 1991]. Изучены *двандва*, образованные сложением корней или основ

китайских, японских и заимствованных слов [Пашковский, 2004; Tsujimura, 1996; Kageyama, 1982]. Рассмотрена редупликация в японском языке; части речи, способные к редупликации [Акимото, 2019] семантические категории редуплицированных имен [Мацумото, 2009]; значение редуплицированных имен [Тамура, 2006; Умэбаяси, 2005].

Цель данной работы – сравнить способы выражения множественного числа существительных; рассмотреть категории, связанные с выражением множественного числа, а также проанализировать семантику множественности в русском и японском языках.

2. Материал и методы исследования

Материал для анализа был собран выборкой из грамматик, учебных пособий, научных работ, сбалансированного корпуса современного японского языка¹, а также японских интернет-сайтов. На первом этапе был собран материал русского языка и проведен анализ категорий, связанных с категорией числа, на втором – материал японского языка, на третьем было проведено сравнение способов выражения и семантики множественного числа. В рамках сопоставительного подхода были использованы описательный, системно-классификационный и метод непосредственного наблюдения. Для анализа семантики редуплицированных существительных и сложных *двандва* был использован метод компонентного анализа.

3. Анализ полученных результатов

В. А. Плунгян отмечает, что грамматические категории не возникают внезапно; они являются результатом длительной эволюции различных языковых элементов, которые постепенно начинают образовывать некоторую «обязательную конфигурацию» (которая с течением времени может измениться или распасться). Грамматические категории не являются жестко заданными и неизменными логическими структурами; в языках мира возможны «более грамматические» и «менее грамматические» явления [Плунгян, 2000, с. 130]. Что касается категории числа, то русский язык можно отнести к языкам с «более грамматическими явлениями», а японский язык – к языкам с «менее грамматическими явлениями». В результате длительного обсуждения исследователи японского языка пришли к заключению, что грамматическая категория числа у существительных в японском языке отсутствует, но существует лексико-семантическая категория числа, а выражение множественности зависит от желания говорящего актуализировать данное значение.

В русском языке категория числа выражается противопоставлением двух форм единственного и множественного числа с помощью флексий, является словоизменительной и связана с категориями падежа, типов склонения и одушевленности-неодушевленности. В зависимости от лексико-грамматического разряда существительные делятся на слова, имеющие единственное и множественное число, и слова, имеющие только единственное или только множественное число [РГ, 1980, с. 471].

В японском языке существует несколько способов выражения лексико-семантической категории множественного числа: маркерами множественности, редупликацией, сложными *двандва* и классификаторами.

Маркеры *ら* *ра*, *ども* *домо*, *たち* *тати*, *がた* *гата*², были заимствованы из китайского языка. Лексико-семантическая категория числа, выражаемая этими маркерами, связана с категориями одушевленности-неодушевленности, свой-чужой и вежливости.

¹ Сбалансированный корпус современного письменного японского языка URL <https://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/> (дата обращения 04.01.2022)

² В данной работе мы не обсуждаем проблему принадлежности показателей множественности к служебным словам или аффиксам в японском языке, поскольку это не относится к теме исследования, и будем именовать их маркерами. Для записи японских слов используется транскрипция Е. Д. Поливанова, принятая в российском японоведении, падежные показатели записываются через дефис после слова, к которому относятся

В японском языке, как и в русском, к категории одушевленности относятся существительные, обозначающие людей и животных. К категории неодушевленности – все остальные существительные.

Категория свой-чужой выражает отношение к собеседнику и указывает, принадлежат говорящий и слушающий к одной и той же группе или к разным. Категория может указывать разделение на своих и чужих, начиная с семьи и заканчивая нацией.

Категория вежливости является основополагающей в системе японского языка и пронизывает все его уровни, включая морфологический. Она выражается маркерами множественности следующим образом: *たち тати* – нейтральный маркер (встречается при любых уровнях вежливости), *ら ра* – невежливый (выражает невежливое отношение к лицу, обозначенному именем), *がた гата* – самый вежливый (присоединяется к словам, обозначающим высших или равных чужих для говорящего), *ども домо* – уничижительный (используется по отношению к себе или по отношению к низшим). Среди перечисленных маркер *ら ра* является наиболее грамматикализированным, так как он может следовать после одушевленных существительных, обозначающих людей и животных, и указательных местоимений.

Общие правила использования маркеров следующие.

- Маркеры присоединяются к одушевленным существительным, обозначающим людей. К одушевленным существительным, обозначающим животных, присоединяются только маркеры *たち тати* и *ら ра*. К неодушевленным существительным маркеры не присоединяются.

Пример 1. *そんな動物たちの物語を今度は私が語り部となって語り継ぐことができればうれしい。 Сонна до:буцутати-но моногатари-о кондо ва ватаси-га катарибэ то наттэ катаричугу кото-га дэкирэба урэсий*³. «Я был бы счастлив, если бы я, став рассказчиком, смог рассказать историю о таких животных» (к одушевленному существительному *動物 до:буцу* «животное» присоединяется нейтральный маркер *たち тати*).

- Среди значений множественности выделяется значение обычной множественности и коллективной множественности [Martin, 1975; Умэгаки Минору, 1971]. Коллективная множественность также именуется репрезентативной [Холодович, 1979] или ассоциативной (Моравчик, 1996, цит. по: [Даниэль, 2000]; см. также: [Corbett, 2000]). При репрезентативной множественности эксплицитно выражается только представитель данной совокупности, все остальные имплицитны, при этом все члены данной группы связаны с эксплицитно выраженным членом устойчивыми связями. Такой группой может быть ‘X и его семья’, ‘X и его близкие’, ‘X и его единомышленники’, ‘X и его коллеги’, ‘X и его возрастная группа’ [Даниэль, 2000, с. 7].

В японском языке все маркеры имеют значение обычной и репрезентативной множественности⁴. В значении обычной множественности маркеры могут опускаться, в значении репрезентативной множественности этого не происходит [Алпатов и др., 2008, с. 245–251].

Пример 2. *学生たちはみんな来ました。 Гакусэйтати ва минна кимасита*. «Студенты все пришли» (существительное в форме множественного числа *学生たち гакусэйтати* «студенты» выражает значение обычной множественности, маркер *たち тати* может быть опущен).

Пример 3. *山田さんたちの牛乳で作ったホットドリンクのメニュー。 Ямада сан тати-но гю:ню:-дэ цукутта хотто доринку-но мэню*. «Меню горячих напитков, приготовленных из молока (фирмы) г-на Ямада, и др.» (существительное в форме множественного числа *山田さんたち Ямада сан тати* выражает значение репрезентативной множественности, маркер *たち тати* не может быть опущен).

³ В транскрипции показатели падежей японского языка пишутся через дефис

⁴ Репрезентативная множественность обозначает множество людей или животных, объединенных на основании признака, который присутствует у каждого члена этого множества

В русском языке обычная множественность выражается формой множественного числа, коллективная множественность – словосочетаниями (например, мама с детьми; Наташа и Таня), при этом все представители данной совокупности могут быть выражены эксплицитно. Кроме того, в русском языке есть и аналог репрезентативной множественности (например, они с Колей или Коля и другие), т. е. Коля и еще одно или несколько лиц, актуализированных ситуацией или контекстом.

В основе грамматической категории числа лежит противопоставление единичности – множественности. Множество, противостоящее единичности, может быть многообразным по составу и структуре: определенным (конечным) – неопределенным (бесконечным), конкретным – дискретным, однородным – неоднородным, тотальным – партитивным, множеством предметов – предметным множеством [Холодович, 1979, с. 174–179]. Содержание множества отражается на содержании категории числа.

В русском языке большинство существительных изменяется по числам. Эти существительные относятся к конкретным, дискретным существительным и называют реальные исчисляемые предметы. В японском языке при счете конкретных, дискретных предметов (включая одушевленные существительные, обозначающие людей) например, ノー ト *но:то*: «тетрадь», 生徒 *сэйто* «ученик», используется комплекс, состоящий из числительного, классификатора и существительного (二冊のノー ト *ни сацу-но но:то* «две тетради», 二 *ни* «два», 冊 *сацу* «классификатор для книг, тетрадей», ノー ト *но:то* «тетрадь»; 二人の生徒 *ふたり-но сэйто* «два ученика», 二 *ни* «два», 人 *нин* «классификатор для людей», 生徒 *сэйто* «ученик», 二人 читается *футари*). При этом выражается множественное число со значением конкретного множества. Если к существительному 生徒 *сэйто* «ученик» присоединяются маркеры множественности, выражается значение неопределенного множества.

В русском языке классификаторы отсутствуют, но выражаемые существительными значения такие же, как в японском языке. Формы множественного числа, выраженные с помощью флексий (тетради, ученики), выражают неопределенное множество, сочетание с числительным выражает конкретное множество (две тетради, два ученика). Кроме того, в русском языке формы единственного и множественного числа у существительных с обобщенно-собирательным значением могут быть информативно равнозначными.

Пример 4. Книга – лучший подарок. Книги – лучший подарок.

Поскольку в японском языке к конкретным неодушевленным существительным показатели множественности не присоединяются, подобное явление отсутствует.

О. Г. Ревзина говорит о связи категории числа с природой имени: а) предмет мыслится как определенная точка или резко отграниченная область в системе пространственно-временных координат (важна отдельность одного предмета от других ему подобных); б) предмет мыслится как носитель определенной совокупности свойств в абстрактном пространстве свойств и признаков (важна исходная нерасчлененность признака и предмета) [Ревзина, 1974, с. 116–117].

Русский язык тяготеет к первому типу, японский язык – ко второму. В японском языке для предмета как носителя определенных признаков расчлененность не является обязательно выраженной характеристикой; исчисляемость / расчлененность предмета присутствует в качестве некоторого потенциала, реализация которого зависит от контекста.

В русском языке формы множественного числа могут одновременно иметь значение расчлененности (дискретности) и совокупности предметов или лиц, например: русские (люди), грибы, ботинки.

Дискретность – расчлененность связана с исчисляемыми и неисчисляемыми существительными. В русском языке дискретные существительные исчисляются и имеют форму множественного числа.

Недискретные, к которым относятся вещественные существительные (например, 水 *мидзу* «вода», ワイン *вайн* «вино», 塩 *сио* «соль»), собирательные существительные (например, 貧

民 *химмин* «беднота» (досл. бедные люди), 野鳥 *ятё*: «дичь» (досл. дикие птицы), 青葉 *аоба* «листва» (досл. зеленые листья), существительные с отвлеченным значением (寒さ *самуса* «холод», 暑さ *ацуса* «жара», 誇り *хокори* «гордость»), географические названия (например, ノヴォシビルスク *Нобосибирусуку* «Новосибирск»), названия художественных произведений (например, 戦争と平和 *Сэнсо: то хэйва* «Война и мир»), и в русском, и в японском языке не исчисляются.

Недискретные вещественные существительные типа «вода», «вино» и в японском, и в русском языке можно исчислить, присоединив к ним существительное со значением «емкость», 水のコップ *мидзу-но коппу* «стакан воды», ワインのガラス *вайн-но гурасу* «бокал вина».

В русском языке есть существительные *singularia tantum*, у которых множественное число можно выразить с помощью флексий, однако при этом наблюдается сдвиг лексического значения, например, вино – вина (сорт вин), возможность – возможности (средство для осуществления чего-либо).

В русском языке есть существительные *pluralia tantum*, употребляющиеся только в форме множественного числа. Среди разновидностей этих существительных есть слова, обозначающие конкретные исчисляемые предметы, например, *ножницы*, и существительные, обозначающие отрезки времени, например, *сутки*. Значение множественности передается сочетанием с числительными, например, *двое ножниц*, *двое суток*. В японском языке это значение передается сочетанием с числительным и классификатором 二丁の鉋 *ни тё:-но ха-сами* «двое ножниц» (二 *ни* – числительное «два», 丁 *тё*: – классификатор для ножниц, 鉋 *хасами* «ножницы») или непосредственным сочетанием существительного и числительного 二昼夜 *ни тю:я* «двое суток» (二 *ни* – числительное два, 昼夜 *тю:я* «сутки»).

Выше были перечислены основные правила присоединения маркеров множественности к существительным в японском языке. Тем не менее, можно найти примеры, когда после неодушевленных существительных следуют маркеры множественности, объясняется подобное использование персонификацией, например, когда действующими персонажами сказок, рассказов, мультфильмов выступают неодушевленные предметы или когда они вовлекаются в личную сферу говорящего.

Пример 5. 星たちは二人の子供らについては安心したようです。 *Хоситати ва футари-но кодомора ни цуйтэ ва ансин сита ё: дэсу*. «И тогда звезды, по-видимому, успокоились в отношении (этих) двух детей» (из контекста понятно, что 星たち *хоситати* «звезды» вовлечены в сферу говорящего. В сочетании 二人の子供ら *футари-но кодомора* «двое детей» множественное число выражено два раза: с помощью классификатора 二人 *футари* «два человека» и маркера множественного числа ら *ра*).

Рассмотрим далее другие способы выражения множественности, существующие в русском и японском языках.

В русском языке множественное число может быть выражено суффиксом (*брат* – *братья*); заменой суффикса (*котенок* – *котята*); изменением места ударения дополнительно к флексии множественного числа (*нога* – *ноги*); чередованием звуков (*друг* – *друзья*); супплетивным способом (*ребенок* – *дети*). В японском языке эти способы отсутствуют.

В японском языке множественное число может быть выражено редупликацией существительных. Э. Сепир писал о том, что нет ничего более естественного, чем повторение всего слова или части слова. Процесс редупликации отражает такие понятия, как распределение, множественность, повторяемость, увеличение размера, дополнительную интенсивность, длительность [Сепир, 2002]. Под редупликацией понимается повторение слова, основы слова (с одним или более суффиксами) или корня слова. Значение существительных, образованных редупликацией, непосредственно воспринимается как значение множественного числа [Кобаякава, 2004, с. 45].

Категория числа, выражаемая редупликацией, связана с категорией одушевленности-неодушевленности и обладает следующими характерными особенностями:

- редуплицируются существительные, состоящие из одного-двух слогов, например, 家々 *иэиэ* «домá»;
- редуплицированные существительные обозначают неодушевленные предметы за исключением слов 人々 *хитобито* «люди» и 神々 *камигами* «боги» (в японском языке одушевленное существительное);
- все редуплицированные существительные являются 和語 *ваго*, т. е. словами японского происхождения ⁵ [Карасу, 1992, с. 323].

Редуплицированное существительное имеет одного и того же референта.

Однако в японском языке редупликация осуществляется непоследовательно, отсутствуют грамматические правила образования, не от всех слов-*ваго* можно образовать редупликат. Редуплицированные существительные составляют малочисленный закрытый класс слов. Они выражают значение неопределенного множества, при этом подчеркивается отдельность, индивидуальность компонентов, входящих в состав этого множества.

В русском языке присутствует редупликация различных частей речи, но значение, которое выражают редуплицированные слова связано не с выражением количества, а с интенсификацией выражаемого значения.

Далее рассмотрим еще один способ выражения множественности в японском языке, а именно сложные *двандва*.

Двандва – это сложные слова с равноправными отношениями между составляющими компонентами. В японском языке сложные слова образуются сложением:

- японских корней, основ и слов (*ваго*) (соединяются слова 秋空 *аки-дзора* «осень + небо → осеннее небо»);
- сино-японских корней (*канго*) (например, 司教 *си-кё*: «указывать» + «учить» → «руководство»);
- корней, основ и слов различного происхождения (например, 台 *дай* (*канго*) + 所 *токоро* (*ваго*) → 台所 *дайдокоро* «кухня»; 石油 *экию* (*канго*) + ストーブ *судо:бу* (*гайрайго*) → 石油ストーブ *экию-судо:бу* «масляный обогреватель»).

В русском языке также существуют сложные существительные с равноправным отношением основ, в которых совмещены признаки мотивирующих основ (*лесопарк*, *железобетон*) и которые встроены в систему категории числа русского языка.

Среди сложных *двандва* в японском языке существуют *двандва*, имеющие значение «два, пара», например, 夫婦 *фу:фу* «супружеская пара», 父母 *фубо* «отец и мать». Кроме того, существуют *двандва*, выражающие неопределенное значение множественности, при этом непонятно, какое количество выражено первым, вторым компонентом и всем словом в целом, например, 親子 *оя-ко* «родители и дети», «один родитель и один ребенок», «родители и ребенок» и т. д. Каждый компонент *двандва* имеет своего референта. Сложные *двандва* японского языка выражают значение неопределенного дискретного множества с сохранением значимости каждого из его компонентов, при этом сочетают внутреннюю идею расчлененности компонентов дискретного множества с внешней идеей образования некоторой пары.

В русском языке подобное значение передается сочинительным словосочетанием, например: *родители и дети, реки и озера*.

⁵ В японском языке три слоя лексики 和語 *ваго* «собственно японские слова», 漢語 *канго* «слова, заимствованные из китайского языка или созданные по китайской словообразовательной модели в японском языке» и 外来語 *гайрайго* «слова, заимствованные из других языков»

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, в русском языке изначально существует представление о единичности-множественности, что выражается в наличии грамматической категории числа. В японском языке отсутствует подобное представление, существительное изначально может обозначать как единственное, так и множественное число. По всей видимости, в японском языковом сознании общая множественность является вторичной, первичной является выражение точного количества, что связано с использованием классификаторов.

Во-вторых, в русском языке выражение числа у существительных является обязательным. В японском языке значение множественного числа с помощью маркеров, редуцированных существительных и сложных *двандва* может быть актуализировано, если этого требует контекст, а может и не быть актуализировано, если оно не является обязательным для цельности и завершенности семантики предложения. Как правило, значение множественного числа актуализируется, если предмет, о котором идет речь (одушевленный или неодушевленный), входит в личную зону говорящего.

В-третьих, использование флексий для выражения множественного числа в русском языке является обязательным. Использование маркеров множественности в японском языке носит вероятностный характер. Маркеры могут присоединяться к одушевленным существительным, обозначающим людей и животных. Несмотря на ограничения в сочетаемости с маркерами множественности, есть примеры, опровергающие эти ограничения: маркеры могут присоединяться и к неодушевленным существительным.

В-четвертых, выражение числа связано с различными категориями и различными способами в русском и японском языках.

В-пятых, в русском и японском языках множественное число выражает значение коллективной, репрезентативной множественности и неопределенной дискретной множественности при разных способах выражения данных значений.

Список литературы

- Акуленко В. В. Категория количества в современных европейских языках. Киев: Наук. дум., 1990. 284 с.
- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис. 2008. Т. 1. 559 с.
- Брусенская Л. А. Функциональный и семантический аспекты интерпретации категории числа в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. 21 с.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
- Даниэль М. А. Типология ассоциативной множественности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 27 с.
- Калинина Л. В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999. 25 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
- Пашковский А. А. Слово в японском языке. М.: Наука, 2004. 208 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал. 2000. 384 с.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Ревзина О. Г. Некоторые проблемы универсалий (по материалам XI Международного конгресса лингвистов) // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1974. № 3. С. 66–71.
- Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2002. 656 с.

- ТФГ – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
- Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. 1979. 303 с.
- Asano Yoshiteru. On plural suffixes in Japanese: their usage and grammaticalization. In: *Advanced Diachronic Syntax*. Uni. of Colorado, 1994, pp. 1–10.
- Corbett G. G. *The Number*. Cambridge Uni. Press., 2000, 358 p.
- Kageyama Taro. Word forming in Japanese. *Lingua*, 1982, no. 57, pp. 215–258.
- Martin S. A Reference Grammar of Japanese. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1975, 1198 p.
- Martin S. E. A Reference Grammar of Japanese. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1991, 1198 p.
- Maynard S. *Introduction to Japanese Grammar and Communicative Strategies*. Tokyo, The Japan Times, 2009, 386 p.
- Tsujimura Natsuko. *An Introduction to Japanese Linguistic*. Great Britain, Blackwell Publishers, 1996, 401 p.
- Акимото Михару. Нихонго кё:ику ёку вакару гои [秋元美晴。日本語教育よくわかる語彙]. Хорошо понятная лексика при обучении японскому языку. Токио: Alc, 2019. 245 с. (на яп. яз.)
- Карасу Такамицу. Гэнгогакутэки сэцумэй сайко: Нихонго-но дзё:го-о рэй тоситэ [唐須孝光。言語学的説明再考-日本語の畳語を例として。芸文研究]. Новое лингвистическое объяснение. Редулицированные слова японского языка. *Гэйбун кэнкю:.* [Исследования по искусству и литературе]. 1992. № 60. С. 123–135. (на яп. яз.)
- Кобаякава Сатору. Нихонго-но фукусу: хё:гэн. Сорэра-но + мэйси то дзё:го мэйси // Кокоро то котоба [小早川。暁日本語の複数表現。それらの+名詞と畳語名詞]. Выражение множественного числа в японском языке. Конструкция «сорэра + имя существительное» и редулицированные существительные // *Mind and language*. 2004. № 3. С. 35–50. (на яп. яз.)
- Мацумото Дзюнъити. Нихонго ни окэру дзё:го фукусу:кэй-но хассэй кано:сэй ни цуйтэ [松本純一。日本語における畳語複数形の発生可能性について]. Продуктивность редулицированных слов в форме множественного числа в японском языке // *Bulletin of Toyo Gakuen University*. 2009. No. 17. С. 243–249. (на яп. яз.)
- Тамура Ясуо. Гэндай нихонго-но сэтто:дзи ни цуйтэ [田村泰男。現代日本語の接頭辞について。広島大学留学生センター 起要]. О приставках в современном японском языке. *Хиросима дайгаку рю:гакусэй сэнта: киё:* [Ученые записки Центра обучения иностранцев университета Хиросима]. 2005. Т. 15. С. 25–35. (на яп. яз.)
- Умэбаяси Хирохито. Дзё:гокэй-но сиё: ни цуйтэ. «Ута-ута»-о рэй ни ситэ. Сэйдзё бунгэй [梅林博人。畳語形の使用について「歌歌」を例にして。聖女文芸]. Об использовании редулицированных форм на примере слова «песня-песня». *Сэйдзё бунгэй* [Записки университета Сэйдзё]. 2005. Т. 192. С. 37–47. (на яп. яз.)
- Умэгаки Минору. Нитизэй хикаку гогаку ню:мон [梅垣実。日英比較語学入門。東京：大修館]. Введение в сравнительное языкознание японского и английского языков. Токио: Тайсю:кан, 1971. 313 с. (на яп. яз.)

References

- Akimoto Miharuru. *Nihongo kyouiku yoku wakaruru goi* [秋元美晴。日本語教育よくわかる語彙]. Well understanding words in teaching of Japanese language. Tokyo, Alc, 2019, 245 p. (in Jap.)
- Akulenko V. V. *Kategoriya kolichestva v sovremennykh evropeiskikh yazykakh* [Category of quantity in modern European languages]. Kiev, Naukova dumka, 1990, 284 p. (in Russ.)

- Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I.** Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical Grammar of Japanese Language]. Moscow, Natalis, 2008, vol. 1, 559 p. (in Russ.)
- Asano Yoshiteru.** On plural suffixes in Japanese: their usage and grammaticalization. In: *Advanced Diachronic Syntax*. Uni. of Colorado, 1994, pp. 1–10.
- Bondarko A. V.** (ed.). Teoriya funktsionalnoi grammatiki: kachestvennost. Kolichestvennost [Theory of functional grammar: Quality. Quantity]. St. Petersburg, Nauka, 1996, 264 p. (in Russ.)
- Brusenskaya L. A.** Funktsionalnyi i semanticheskii aspekty interpretatsii chisla v russkom yazyke [Functional and semantic approaches to interpretation of category of number in Russian language]. Thesis Dr. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 1994, 21 p. (in Russ.)
- Corbett G. G.** The Number. Cambridge Uni. Press., 2000, 358 p.
- Daniel M. A.** Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti [Typology of associative plurality]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 27 p. (in Russ.)
- Kageyama Taro.** Word forming in Japanese. *Lingua*, 1982, no. 57, pp. 215–258.
- Kalinina L. V.** Semantika i funktsionirovanie abstraknykh suschestvitelnykh v forme mnozhestvennogo chisla v russkom yazyke [Semantics and functioning of abstract nouns in the form of plural in Russian language]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Kirov, 1999, 27 p. (in Russ.)
- Karasu Takamitsu.** Gengogakuteki setsumei saikou. Nihongo-no jougo-o rei toshite [唐須孝光。言語学的説明再考-日本語の畳語を例として。芸文研究]. New linguistic explanation. Reduplication words of Japanese language. *Geibun kenkyuu* [芸文研究], 1992, no. 60, pp. 123–135. (in Jap.)
- Kholodovich A. A.** Problemy grammaticheskoi teorii [Problems of grammar theory]. Leningrad, Nauka, 1979, 264 p. (in Russ.)
- Kobayakawa Satoru.** Nihongo-no fukusuu hyougen. *Sorera-no* + meishi to jougo meishi [小早川。暁日本語の複数表現。それらの+名詞と畳語名詞]. Expression of plural number in Japanese language. *Sorera* + noun and reduplicated nouns. *Mind and Language*, 2004, no. 3, pp. 35–50. (in Jap.)
- Martin S.** A Reference Grammar of Japanese. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1975, 1198 p.
- Martin S. E.** A Reference Grammar of Japanese. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1991, 1198 p.
- Matsumoto Junichi.** Nihongo ni okeru jougo fukusuukei-no hassei kanousei ni tsuite [松本純一。日本語における畳語複数形の発生可能性について]. Productivity of reduplicated words in the form of plural number in Japanese language. *Bulletin of Toyo Gakuen University*, 2009, no. 17, pp. 243–249. (in Jap.)
- Maynard S.** Introduction to Japanese Grammar and Communicative Strategies. Tokyo, The Japan Times, 2009, 386 p.
- Pashkovsky A. A.** Slovo v yaponskom yazyke [Word in Japanese language]. Moscow, Nauka, 2004, 208 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku [Common morphology: Introduction in problem]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (in Russ.)
- Revzina O. G.** Nekotorye problemy universalii (po materialam XI Mezdunarodnogo kongressa lingvistov) [Some problems of universals (on issues of XI International Congress of Linguists)]. *Narody Azii i Afriki. Istoriya, ekonomika, kultura* [The peoples of Asia and Africa. History, Economy, Culture], 1974, no. 3, pp. 66–71. (in Russ.)
- Schvedova N. Yu.** (ed.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 783 p. (in Russ.)
- Sepir E.** Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii [Selected studies on linguistic and cultural studies]. Moscow, Progress, 2002, 656 p. (in Russ.)

- Tamura Yasuo.** Gendai nihongo-no settouji ni tsuite [田村泰男。現代日本語の接頭辞について。広島大学留学生センター 起要]. About prefixes in modern Japanese language. *Hiroshima daigaku ryuugakusei senta: kiyō* [Issue of center for foreign students of University of Hiroshima], 2005, vol. 15, pp. 25–35. (in Jap.)
- Tsujimura Natsuko.** An Introduction to Japanese Linguistic. Great Britain, Blackwell Publishers, 1996, 401 p.
- Umebayashi Hirohito.** Jougokei-no shiyō ni suite. ‘Uta-uta’-wo rei ni shite [梅林博人。疊語形の使用について「歌歌」を例にして。聖女文芸]. About using of reduplicated forms on the sample of word ‘song-song’. *Seijō bungai* [成城文芸], 2005, vol. 192, pp. 37–47. (in Jap.)
- Umegaki Minoru.** Nichiei hikaku gogaku nyūmon [梅垣実。日英比較語学入門。東京：大修館]. Introduction in comparative study of Japanese and English. Tokyo, Taishukan, 1971, 313 p. (in Jap.)
- Vinogradov V. V.** Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: Grammatic doctrine about word]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, 639 p. (in Russ.)
- Yartseva V. N.** (ed). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia, 1990, 685 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Витальевна Кутафьева, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57223304605
SPIN 4771-5208

Information about the Author

Nataliia V. Kutafeva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57223304605
SPIN 4771-5208

Статья поступила в редакцию 25.05.2022,
одобрена после рецензирования 27.06.2022, принята к публикации 29.06.2022
The article was submitted 25.05.2022,
approved after reviewing 27.06.2022, accepted for publication 29.06.2022